

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. Г. ГАК

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В зависимости от того, насколько принимается во внимание связь языка с мышлением и внелингвистической действительностью, можно выделить ряд тенденций в подходе к изучению языка: изучение языка вне его связи с мышлением и действительностью, его изучение в соотношении с формами и законами мышления, его изучение в непосредственном соотношении с действительностью, минуя мышление, и, наконец, изучение языка в его соотношении с мышлением и действительностью одновременно.

Подход к языку как к самодовлеющей системе оппозиций, изучаемой «в себе и для себя», свойствен некоторым направлениям структурализма. Он способствовал более точному и углубленному изучению единиц языковой системы, их дистрибуции, их модификации, взаимоотношению между ними. Однако антименталистические направления современного структурализма все ярче проявляют свою ограниченность и подвергаются все большей критике не только в СССР, но и за рубежом.

Исследование языка в его соотношении с мышлением широко представлено в истории языкознания. Слово при этом рассматривается в соотношении с обозначаемым им понятием, предложение сопоставляется с различными формами суждений. Такой подход позволяет вскрыть диалектическое единство языка и мышления, и именно этому подходу языкознание обязано своими наибольшими достижениями¹. Поскольку понятия не возникают сами собой, но представляют результаты, в которых обобщаются данные опыта, изучение языковых форм в соотношении с понятиями и суждениями вместе с тем показывает, каким образом сама действительность отражается в идеальной стороне языковых единиц. Однако проблема «язык и мышление» не покрывает собой полностью проблемы «язык и действительность»². Помимо общетеоретического интереса, важность исследования отношения языковых форм к действительности обуславливается тем, что говорящий в каждом акте речи заново обобщает и организует данные конкретного опыта, ввиду чего один и тот же отрезок действительности может быть обозначен с помощью различных языковых форм.

В связи с тенденцией слишком прямолинейно переносить на язык определения и свойства искусственных семиотических систем, в последнее время возникают антименталистические попытки соотносить языковые формы

¹ Анализ различных аспектов проблемы дан в работах: «Язык и мышление», М., 1967; В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971.

² Этой проблеме за рубежом уделяется все большее внимание и даже краткие руководства по лингвистике считают своим долгом на ней особо останавливаться (см., например: G. M o u n i n, Clefs pour la linguistique, Paris, 1968, гл. «La langue et la réalité non linguistique»). Между тем в советских курсах общего языкознания имеются специальные разделы, посвященные связи языка и мышления, но нет особых параграфов, касающихся отношения языка к действительности.

с действительностью непосредственно, не обращаясь к мышлению³. Это, однако, противоречит самой сущности естественного языка.

Основное отличие языка от искусственных семиотических систем заключается в том, что язык представляет собой знаковую систему, с помощью которой возможно делать неограниченное число сообщений⁴. Искусственные знаковые системы обслуживают ограниченное число различающихся сообщений, каждой ситуации здесь соответствует определенное, заранее данное обозначение и не предусматриваются ситуации, для которых в коде нет обозначений. В акте номинации устанавливается соответствие между двумя элементами: наименованием (*N*) и именуемым («номинатом» — *R*). Естественный язык должен быть устроен так, чтобы на нем можно было бы «все сказать»⁵, даже то, для чего в коде нет фиксированного обозначения. В связи с этим в основе наименования здесь лежит процесс классификация, связанный с формированием понятий⁶. При конкретном наименовании объект, на основании выделения в нем некоторых признаков, подводится под определенное понятие, с которым и сопоставляется обозначение. Только естественным языкам свойственно классифицирующее «вторжение» мышления в каждый семиотический акт. В связи с этим в номинате выделяются две стороны: экстралингвистический объект — денотат (*D*) и отражаемое в формах языка понятие — сигнификат (*S*). Таким образом, в естественных языках в процессе наименования устанавливается соотношение трех сторон: наименования (номинации) (*N*), сигнификата (*S*) и денотата (*D*), что отражается в известном «семантическом треугольнике», символизирующем смысловую структуру слова и других языковых элементов.

Для того чтобы ответить на вопрос, как пользуются языком люди, как он функционирует, чтобы вскрыть языковую интуицию говорящих, нужно изучать язык в его непосредственной реализации, при учете взаимосвязи всех сторон «семантического треугольника»: язык — мышление — экстралингвистическая ситуация. В центре внимания исследователя в этом случае оказывается проблема номинации в широком плане — изучение того, как ситуация в целом и ее элементы получают языковое обозначение.

Проблема «слова и вещи» является одной из генеральных тем мирового языкознания. Но вопрос этот обычно остается в сфере языковой системы: исследуется, как вообще обозначается в том или ином языке тот или иной предмет, какие элементы объективной реальности отображаются (избираются и закрепляются) в значениях слов и грамматических форм данного языка (с этим аспектом исследования связаны в конечном счете проблемы этнолингвистики, языкового «членения» или «видения» мира, гипотеза Сепира — Уорфа и др.). Однако в связи с тем, что язык есть п р а к т и ч е с к о е сознание, т. е. сознание, формирующееся в процессе конкретной деятельности людей, языковую номинацию следует изучать и в конкретных актах коммуникации, в связи с отношениями между предметами, процессами, качествами, выделяемыми человеческим сознанием при конкретном контакте с действительностью и обозначаемыми средствами языка.

³ См. критику этих положений в ст.: Т. П. Л о м т е в, Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 264—265.

⁴ См.: Н. И. Ж и н к и н, Четыре коммуникативные системы и четыре языка, сб. «Теоретические проблемы прикладной лингвистики», М., 1965.

⁵ А. М а р т и н е, О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева, «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 452. Аналогичные идеи высказывались Л. В. Щербой.

⁶ J.-L. A u s t i n, Comment parler?, «Langages», 1966, 2, стр. 78—79; В. И. А б а е в, Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка, «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970.

Общие проблемы отношения языка и действительности не раз освещались с различных точек зрения⁷. Однако самые общие закономерности организации речи в связи с закономерностями объективного мира не выявлены с необходимой ясностью. Между тем, аналогичная проблема приобретает все большее значение и в современной логике, стремящейся изучать структуру мышления в ее соответствии структуре бытия.

Включение слов в речь в акте коммуникации не сводится лишь к объединению их в предложение по правилам синтаксиса. Оно означает включение их в знаковую ситуацию, охватывающую отношение знака к предмету (номинативный или денотативный аспект) и отношение человека к предмету, степень его информированности (модальный и логико-коммуникативный аспекты). Актуализированное предложение, рассматриваемое не только как определенная синтаксическая модель, но во всех указанных аспектах, составляет речевое высказывание.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с отношением структуры высказывания к обозначаемому отрезку действительности. Изучение вопроса об отношении языковых форм и действительности не только в плане языковой системы, но и в конкретных речевых актах становится необходимым еще и в связи с тем, что в процессе актуализации, при переходе от уровня языка-системы к уровню речи изменяются некоторые существенные аспекты знаковых отношений в языке, которые касаются структуры самих этих отношений, объема знака и отношений наименования.

Структура знаковых отношений. Как соотносится отмеченная выше тройственная смысловая структура слова с бинарной структурой знакового отношения, которое обычно интерпретируется как связь между означающим и означаемым? Относительно природы означаемого высказывались разные мнения. Соссюр отождествлял означаемое с понятием (*concept*), т. е. с сигнификатом (франц. *signifié*). Между тем в логике и общей семиотике знак определяется нередко как материальный объект, символически отсылающий к «обозначенному им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий»⁸, т. е. второй элемент знакового отношения трактуется как предмет, а не как понятие — мысленный конструктор, иначе говоря, как денотат. Характерно, что в работах по логике этот элемент именуется обычно не «означаемым», но «обозначаемым», что лексически калькирует латинские *designatum* или *denotatum*⁹. Указанные расхождения являются не просто расхождениями терминологического или концептуального порядка. В них отражается внутренний противоречивый характер самих знаковых отношений в языке. В системе, на уровне языка, знаковые отношения объединяют языковой элемент (имя) и понятие — сигнификат, под которое подводится соответствующий класс предметов. Иначе быть и не может, поскольку в отвлечении от конкретной реальности и вне конкретного акта коммуникации имя может быть сопоставлено только с представлениями и понятиями о материальных предметах, связях между ними и т. п. В конкретном акте коммуникации положение меняется. Здесь имя используется для наименования элементов объективной реальности. В акте номинации устанавливается связь между наименованием, выражающим определенное понятие, и предметом (денотатом). Итак,

⁷ См., например: Ф. П. Ф и л и н, О некоторых философских вопросах языкознания, «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 8—13; Г. К л а у с, Сила слова, М., 1967; W. M. U r b a n, Language and reality, London, 1939; W. Q u i n e, Word and object, Cambridge, 1960, и др.

⁸ Н. И. К о н д а к о в, Логический словарь, М., 1971, стр. 160.

⁹ См., например: А. А. З и н о в ь е в, Логика науки, М., 1971, стр. 33.

если на уровне языка знаковые отношения представляют собой соотношение: наименование ↔ сигнификат / денотат, то на уровне речи лингвистический знак характеризуется уже отношением: наименование / сигнификат ↔ денотат ¹⁰.

Для различения двух типов знаковых отношений было бы целесообразно ввести и соответствующие терминологические различия. Для двух элементов знаковых отношений в системе можно оставить термины «означающее» (signifiant) — «означаемое» (signifié, сигнификат). Элементы знакового отношения в реализации можно называть терминами «обозначающее» — «обозначаемое» (денотат) ¹¹. Могут представиться случаи, когда различие сигнификата и денотата оказывается несущественным. И тогда можно было бы применять термины более широкого объема, например, номинант (означающее или обозначающее) и номинат (означаемое или обозначаемое).

Рассмотренная трансформация в природе знаковых отношений и составляет сущность актуализации в процессе перехода от языка к речи. Многие споры в языкознании объяснялись тем, что недостаточно учитывалась эта двойственная природа знаковых отношений в языке. Так, известные расхождения между Соссюром и Бенвенистом в трактовке произвольности языкового знака вызваны, по-видимому, тем, что первый видел в знаковом отношении прежде всего связь языковой формы с сигнификатом, второй же подключал и денотат. Не говоря прямо о специфике языкового знака на уровне языка и на уровне речи, лингвисты вынуждены были эмпирически при рассмотрении различных аспектов слова вводить дифференцирующие понятия: языковая и контекстуальная синонимия, значение и употребление слова и т. п. Важность различения значения и обозначения отмечал и Э. Косериу: «Конкретное обозначение (определенного объекта) есть факт „речи“; тогда как значение есть факт „языка“ (технических средств речи)» ¹². Отношения значения постоянны для данного синхронного среза языка (слово связано с определенным набором понятий). Отношения обозначения непостоянны, ибо в акте коммуникации один и тот же денотат может быть подведен под разные понятия и, следовательно, получать различные обозначения.

¹⁰ Сходную мысль высказывает В. М. Солнцев в статье «Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания», сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», 1970, стр. 223.

¹¹ См.: А. А. Ветров, Семиотика и ее основные проблемы, М., 1968, стр. 65—66.

¹² E. Coseriu, Structure lexicale et enseignement du vocabulaire, сб. «Les théories linguistiques et leurs applications», Strasbourg, 1967, стр. 43.

Объем знака. Рассматриваемый в языковой системе, лингвистический знак ограничивается пределами слова, словосочетания, морфемы и других значимых элементов языка, которые соотносятся с определенными сигнификатами. На уровне речи, в реализации границы знака модифицируются. Знак в этом случае создается в результате семиотического акта, т. е. установления соответствия между языковыми формами и отрезком экстралингвистической действительности. Но законченным продуктом семиотического акта является не отдельно взятое слово, но актуализованное предложение — высказывание, которое может состоять как из одного, так и из нескольких слов. В речи не слово, но высказывание выступает как подлинный полноценный лингвистический знак. Слово же, включенное в высказывание, оказывается частью знака. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т. п.

Таким образом, различается два типа знаков в речи: «полный» («предикативный», «пропозитивный») знак, представляющий собой законченный акт семиозиса в языковой системе, и «частичный» («номинативный», «лексический») знак, являющийся строительным материалом для высказывания. Обозначаемым высказывания является соответствующая ему ситуация сообщения, речевая ситуация во всей совокупности ее аспектов, основным ядром которой является ее денотативная сторона (описываемые предметы и связи между ними)¹³.

Отношения наименования. Отношение наименования по-разному проявляется в системе языка и в его реализации. В первом случае это отношение, связывающее имя и предмет, характеризуется тем, что одно и то же имя может указывать, в силу своей многозначности, на ряд различных предметов. В реализации отношение наименования характеризуется тем, что один и тот же предмет может иметь ряд разных имен, тогда как данное имя называет лишь один предмет¹⁴. Поскольку один и тот же элемент действительности может получить несколько наименований, отношение языка к действительности сводится во многом к проблеме выбора наименования и выявлению закономерностей в построении языкового знака. Проблема отношения языка к действительности в плане реализации языковых средств выражения включает следующие три аспекта, на которых мы вкратце остановимся: а) внешнелингвистическая основа номинации, иначе говоря — проблема «внутренней формы» наименования, т. е. выбора признака, выступающего в качестве исходной точки в акте наименования объекта; б) соотношение между структурой высказывания и структурой обозначаемого им отрезка действительности; в) типология номинаций, т. е. соотношение различных структурных и семантических типов номинации.

Внешнелингвистическая основа номинации. Любой предмет, как известно, характеризуется множеством признаков, свойств, отношений. Их невозможно, да практически и не нужно выделять все в процессе наименования, и предмет называется по какому-либо одному или нескольким бросающимся в глаза признакам, которые репрезентируют

¹³ См. подробнее: L. P r i e t o, Messages et signaux, Paris, 1966 и другие его работы; E. V u s s e n s, La communication et l'articulation linguistique, Bruxelles—Paris, 1967 и другие его работы; В. Г. Г а к, О двух типах знаков в языке (высказывание и слово), «Материалы к конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967; «Общее языкознание» под ред. Б. А. Серебrenникова, М., 1970, стр. 152—155. Если признавать наличие у актуализированного предложения (высказывания) номинативного аспекта, то слово и предложение следует различать не как номинацию и коммуникацию, но как «некоммуникативную» (или «докоммуникативную») номинацию и коммуникативную номинацию.

¹⁴ Р. К а р н а п, Значение и необходимость, М., 1959, стр. 157.

весь предмет. Беря за основу наименования разные признаки, можно для одного и того же класса предметов образовать различные наименования, которые, совпадая по объему обозначаемого понятия, будут расходиться по этому признаку, положенному в основу наименования. Это обстоятельство было со всей глубиной отмечено в свое время еще В. Гумбольдтом, назвавшим этот признак, лежащий в основе названия, «внутренней формой». Признаки предмета, которые могут быть положены в основу наименования, неисчислимы и разнообразны. Однако в соответствии с положениями современной логики их можно разделить на две основные группы: с о б с т в е н н ы е п р и з н а к и предмета (качества, свойства, количества) и о т н о с и т е л ь н ы е п р и з н а к и предмета, отражающие их связи с иными объектами (функция, пространственные и временные отношения и т. п.). Отражение этих признаков в значении слов формирует два основных типа сем: описательные семы (они отражают качества, свойства, величину) и относительные. В основу наименования может браться любой из двух признаков. Так, в русском языке «детский стульчик» назван по относительному признаку (назначение предмета), в основе английского наименования *high chair* (буквально «высокий стул») лежит собственный признак, отличающий данный предмет от других предметов того же класса. В данном примере различие внутренней формы (признака) не связано с различием классификации. Однако в языковой системе ряды наименований создаются исходя из классификаций, в основе которых лежит выделение либо собственных признаков, либо относительных признаков, либо обоих типов признаков одновременно. Например, в словарном определении слова «стул» обнаруживается сочетание описательной семы («род мебели, обычно со спинкой» — указание на устройство предмета) и относительной («предназначенной для сидения одного человека» — указание на функцию предмета). Приводя примеры расхождения во внутренней форме при наименовании одних и тех же явлений, В. Гумбольдт сделал еще одно важное замечание: говоря о внутренней форме языка, он подчеркивал, что «необходимо отыскать общий источник отдельных своеобразий, соединить разрозненные части в органическое целое»¹⁵. Определенная внутренняя форма характеризует не только отдельные слова или группы слов данного языка, она проявляется как некая более общая установка в формировании отдельных наименований и высказываний, в целом связанная с наличием в данном языке определенных единиц низшего уровня, для слова — словообразовательных моделей. Сопоставление способов формирования французской и русской научно-технической терминологии показывает, что при создании терминов, соотносящихся с одним и тем же денотатом, в русском языке в качестве основы наименования берутся функция объекта либо его пространственные отношения. Во французском языке терминологические наименования образуются значительно чаще путем метафорического переноса, так что при наименовании принимаются во внимание внешние свойства предмета. Это связано с преимущественным развитием отглагольного словообразования в русском языке и отыменного — во французском.

Отбор определенных черт обозначаемой действительности имеет место не только при формировании лексических обозначений, т. е. слов и словосочетаний, но и при образовании высказывания, являющегося целостным обозначением отрезка действительности. Здесь также говорящий может брать в основу наименования различные признаки, свойственные обозначаемым предметам, различные отношения, отмечаемые между ними, в связи с

¹⁵ В. Гумбольдт, О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода, цит. по кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, I, 3-е изд., М., 1964, стр. 90.

чем одна и та же ситуация может получать ряд наименований. Выбор этих наименований не вполне случаен, но подчиняется определенным закономерностям, причем отбор наименований зависит в значительной степени от тех номинативных средств, которыми располагает данный язык. В силу своих языковых установок, говорящий для обозначения в речи элементов экстралингвистической действительности отбирает такие черты, которые покрываются существующими в языке словами-понятиями, и такие связи, которые выражаются стереотипными для данного языка конструкциями.

Нередко в одной и той же ситуации (контексте) можно назвать лицо или предмет по его разным признакам, без искажения общей информации (неназываемый признак предполагается известным участникам коммуникации). При этом можно обнаружить определенные тенденции в каждом языке. Так, в русском тексте при возможности выбора, лицо обозначается через имя собственное, тогда как во французском — значительно чаще с помощью местоимений или слов, отражающих связи между участниками ситуации (родственные отношения и т. п.). В этом проявляется ориентация французских номинаций на относительные признаки предметов.

Наименования различной внутренней формы могут получать не только субстанции, но и качества, и действия. Так, исследование показывает, что при формировании высказывания движение обозначается во французском языке преимущественно по его направлению, в русском — по способу передвижения или по обоим признакам сразу (например, франц. *Il est venu* и русск. *Он пришел* или *Он приехал*). Это соответствие не случайно, оно представляет собой частное проявление более широкой закономерности в обозначении действия-процесса вообще. Среди различных аспектов, которыми может характеризоваться действие, наиболее важными являются: внутренняя характеристика действия (способ его выполнения — описательный признак) и отношение действия к другой субстанции (относительный признак). Первый аспект образует семантический субстрат многих безобъектных глаголов, второй лежит в основе семантики объектных глаголов, показывающих отношение между двумя субстанциями. В русском предложении действие нередко обозначается по обоим этим аспектам, во французском — обычно лишь по одному из них, причем ведущим оказывается отношение субъекта к другой субстанции, в то время как в русском — способ совершения действия. Ориентация французского высказывания на преимущественное выражение отношений между субстанциями приводит к широкому использованию транзитивных конструкций с переходными глаголами.

Соотношение между структурой высказывания и структурой обозначаемого отрезка действительности. Лингвисты, изучающие использование языковых средств в ситуации (*langage en situation*) и вне ситуации (*langage hors situation*), выдвигают, как общее правило, положение о том, что «чем больше информации несет в себе ситуация, тем меньше имеется необходимости в использовании языковых средств»¹⁶. Однако анализ материала показывает, что это общее положение далеко не абсолютно. Даже самое «ситуативное» высказывание содержит в себе семантически избыточные элементы, да к тому же говорящие на разных языках подвергают супрессии различные стороны описываемой ситуации. Фраза *На дворе гроза собирается* (Чехов) переведена на французский язык *Le temps est à l'orage* (буквально: «Погода к грозе»). В русском высказывании избыточно указание на место

¹⁶ «La linguistique», guide alphabétique sous la direction d'André Martinet, Paris, 1969, стр. 69.

действия (*на дворе*), так как гроза в прямом смысле может бушевать лишь вне здания, во французском слово *temps* «погода», ибо гроза по природе своей есть явление погоды. Можно сказать, что без семантической избыточности невозможно построить ни одной полноценной фразы, но эта избыточность различна в разных языках, а это связано с тем, что в каждом языке проявляются особые закономерности в соотношении между структурой высказывания и структурой действительности.

Семантическую структуру высказывания составляет совокупность элементарных смыслов или сем, соответствующих различительным чертам, которые говорящий выделяет в описываемой ситуации. Анализ семантической структуры высказывания показывает, что языковые формы при реализации в речи очень точно, но по-разному (и в этом состоит одна из сторон специфики языков) реагируют на физическую природу описываемых явлений.

Возьмем три простейших высказывания: (1) *Он сел на стул*; (2) *Он сел на пол*; (3) *Он сел на поезд*. Если рассматривать номинации этих высказываний в парадигматическом плане, т. е. с точки зрения отношения наименования к обозначаемым элементам действительности, то первое и второе высказывания противопоставляются третьему, так как в них глагол *сесть* обозначает то самое реальное действие («занять сидячее положение»), для наименования которого и служит в русском языке прежде всего этот глагол, тогда как в ситуации (3) различительная черта «занять сидячее положение» нерелевантна, и глагол *сесть* здесь имеет иное значение «занять место, расположиться где-либо для поездки», причем безразлично, будет ли субъект ехать сидя или стоя. Однако при попытке описать те же ситуации средствами другого языка, мы увидим иную классификацию высказываний. Так, по-английски или по-французски первая ситуация *м о ж е т*, а третья *д о л ж н а* быть обозначена без помощи глагола «сесть», глаголом «брать», обозначающим вступление в контакт в самой общей форме: (1) *He took a chair, Il a pris une chaise*; (3) *He took a train, Il a pris le train*. Во втором высказывании такая замена невозможна, без семы «сидячее положение», выраженной в глаголе или другой части речи, эта ситуация описана быть не может.

Эти возможные расхождения в способах описания первой и второй ситуации объясняются тем, что несмотря на идентичность физического действия, структура ситуации, т. е. прежде всего отношение между предметами, действиями, признаками, неоднородна в этих случаях, что может отразиться на формировании высказывания.

Поскольку стул есть прежде всего орудие для сидения, то связь между действием «сесть» и предметом «стул» характерна и заранее известна говорящим. Если описывается такая само собой разумеющаяся связь, то сема «сидеться» может быть опущена. Во втором случае отношение между действием «сесть» и предметом «пол» случайно, нехарактерно и поэтому оно должно найти специфическое лексическое выражение в высказывании с тем, чтобы сообщаемая информация не оказалась бы искаженной.

В третьей ситуации «сесть в поезд», где действие «занять сидячее положение» безразлично для говорящих, глагол *сесть* используется в фигуральном смысле и, как и всякий перенос, может не воспроизводиться дословно при переводе на другой язык.

Таким образом, по отношению к определенной различительной черте можно выделить три типа ситуаций: а) однозначная, неальтернативная ситуация, с устойчивыми предметными отношениями (1), при которых эта различительная черта обязательно присутствует в ситуации и ясна для говорящих; б) двузначная, альтернативная ситуация (1/0), в которой данная черта может присутствовать или отсутствовать; в) «незначащая» ситуация (0), где данная черта нерелевантна.

Устойчивые свойства и отношения предметов могут быть освещены с точки зрения понятия диспозиционального предиката, разрабатываемого в современной логике и отражающего характерные физические свойства предметов в определенных условиях.

В связи с тем, что языковой знак, подобно любой другой знаковой единице, служит для устранения неопределенности, его дистинктивная функция проявляется прежде всего в условиях альтернативной ситуации и неустойчивых предметных отношений. Семантическая структура высказывания (в отношении данной различительной черты) остается всегда идентичной и типология номинаций сводится лишь к внешней форме наименования (оппозиция: слово — словосочетание; глагол — имя — прилагательное; знаменательное слово — служебное слово — морфема и т. п.).

При описании *незначительных* предметных отношений данная черта в ситуации не различается, соответствующая сема устраняется и языковой знак претерпевает переосмысление.

При описании *устойчивых* предметных отношений данная черта утрачивает различительную функцию, в связи с чем соответствующая сема (и ее словесное выражение) может опускаться и создается условие для семантической типологии номинаций (избыточность выражения).

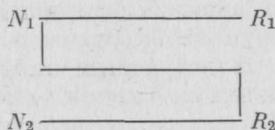
Приведенные примеры показывают, во-первых, влияние структуры ситуации на структуру высказывания; во-вторых, они подтверждают возможность разных типологических решений в структурной организации высказывания и выявляют характер этих типологических решений. Сравнивая русские высказывания *Он садится на стул* и *Он садится на пол*, мы обнаруживаем, что ведущим фактором в выборе наименования являются парадигматические отношения. Оба действия одинаковы в отношении отбираемой различительной черты и получают одинаковое наименование («садиться»), независимо от окружения. Во французских высказываниях *Je prends une chaise* и *Je m'assois sur le plancher* одни и те же физические действия обозначены различными лексическими единицами в связи с различием отражения предметных отношений и ориентацией выбора на синтагматические связи между номинациями. Таким образом, наименование может ориентироваться на парадигматические отношения между именем и денотатом и в этом случае влияние структуры ситуации на структуру высказывания ограничено. Наименование, с другой стороны, может ориентироваться на синтагматические отношения между ним и другими номинациями высказывания, и в этом случае структура ситуации оказывается определяющей.

Семантическая типология номинаций. В лингвистике последних лет активно разрабатывалась структурная типология номинаций: обозначение одного и того же элемента плана содержания единицами разных уровней: морфемой, словом, словосочетанием. Структурная типология исходит из неизменности означаемого. Однако изучение номинаций в речи позволяет установить семантическую их типологию, предполагающую различие означаемых.

Поскольку при наименовании в речи один и тот же объект может подводиться, исходя из выделяемых в нем признаков, под разные понятия (в связи с чем создаются разные означаемые), семантические отношения между номинациями соответствуют таким отношениям между понятиями, как включение, пересечение, исключение и т. п. Два разных наименования одного и того же денотата могут соотноситься как конкретное и абстрактное (отношение включения), прямое и переносное, метонимическое или метафорическое (отношение пересечения), они могут различаться по избираемой семантической оси (отношение исключения) и т. п. Но самым общим аспектом семантической типологии наименований является различение *прямых* номинаций (в широком смысле этого термина) и *косвен-*

ных, что непосредственно вытекает из представления о языке как об орудии общения. Если рассматривать язык с функциональной точки зрения, как орудие общения, то использование слов, грамматических форм и конструкций можно сопоставить, *mutatis mutandis*, с использованием материальных орудий. Создаваемое для удовлетворения определенной потребности, орудие может быть в случае необходимости использовано в иной, несобственной функции. Слово (конструкция) возникает также для удовлетворения определенной потребности: потребности обозначения предметов (качеств, процессов) либо связей между ними. Однако как звуковая оболочка слова, так и обозначаемый им предмет имеет бесконечное количество свойств, связей, взаимоотношений с остальным миром. В связи с этим языковой элемент может претерпевать те же изменения, что и другие человеческие орудия: употребляться в несобственной функции.

Поясним это следующей схемой. Предположим, языковая форма N_1 создается для обозначения номината R_1 , тогда как N_2 призвано обозначать R_2 :

Между языковыми формами N_1 и N_2 , как и между обозначаемыми предметами или понятиями R_1 и R_2 , могут существовать самые различные реальные связи, в силу чего наименование N_1 начинает использоваться для обозначения R_2 . Отношения N_1R_1 и N_2R_2 суть прямые (первичные) номинации; отношение N_1R_2 — косвенная (трансформированная) номинация. Косвенная номинация проявляется в семасиологическом плане ($R_1N_1R_2$: наименование N_1 используется для обозначения R_2 вместо того, чтобы обозначать только R_1) и в ономазиологическом плане ($N_1R_2N_2$: для обозначения R_2 используется N_1 вместо N_2).

Разрыв отношения прямой номинации N_1R_1 может проявляться как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане. В первом случае образуются переносные употребления слов (N_1R_2). Во втором случае происходит десемантизация: элемент N_1 утрачивает способность самостоятельно обозначать какой-либо элемент действительности и соотносится с последней, лишь образуя сочетание с другим прямым обозначением ($N_1N_2 \leftrightarrow R_2$). Соединение этих двух типов косвенной номинации ведет к созданию фразеологизмов ($N_1N_2 \leftrightarrow R_3$).

Косвенные номинации обнаруживаются на всех уровнях языковой системы: в лексике (использование слов в метафорическом или метонимическом значении, десемантизация и фразеологизация), в морфологии (использование частей речи и их категорий в несобственном значении) и, наконец, в синтаксисе (изменение актантной структуры предложения, употребление сочинения вместо подчинения и наоборот и т. п.). «Все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций»¹⁷. Так, модель V (безличный глагол) отражала процесс, воспринимаемый как бессубъектный, состояние окружающей действительности (*Дождит*), модель $S + V$ — состояние или безобъектное действие субъекта (*Он задрожал, Он путешествует*), модель $S + V + \theta$ — активное действие, переходящее на объект (*Он схватил камень; Он сделал нож*). В дальнейшем модели приобрели более обобщенное значение и стали использоваться одна вместо другой. Так, вторая стала употребляться вместо первой (*Дождь идет*), третья вместо второй (*Он совершает путешествие*;

¹⁷ «Общее языкознание», стр. 57.

Его охватила дрожь). Характерно, что несобственное использование синтаксической модели сопровождается переносным употреблением грамматических форм и слов, входящих в высказывание. В последних примерах позиция существительного занята обозначениями процесса (*дождь, путешествие, дрожь*), тогда как в позиции предиката находится глагол в переносном употреблении (*идет, охватила*) или в полуслужебном (*совершает*). С развитием языка косвенные номинации могут стать единственным способом обозначения данного отрезка действительности.

Каждый язык по-своему использует прямые и косвенные номинации. Сопоставление средств обозначения во французском и русском языке показывает более выраженную тенденцию французского языка к использованию косвенных наименований: использование абстрактного наименования там, где следовало бы употребить конкретное, частое обращение к метафорическим и метонимическим обозначениям, употребление частей речи в их вторичных функциях, переносное использование грамматических категорий (времени, числа и др.), актантные трансформации (использование в функции подлежащего слова, обозначающего объект, который по своей природе не может нести функцию активного производителя действия).

Различение первичных и вторичных номинаций позволяет решить традиционный спор о соотношении языка и действительности, о том, являются ли языковые формы (морфологические категории, синтаксические конструкции) гомоморфным отображением внеязыковой ситуации, или же они представляют собой лишь формальные средства организации высказывания. Известно, что однозначный ответ на этот вопрос не выдерживал давления фактов.

Следует полагать, что прямые номинации гомоморфно отражают действительность, тогда как косвенные таким свойством не обладают. Они носят метафорический, переносный характер. Однако переход от прямых наименований к косвенным происходит в результате семантико-грамматических трансформаций, которые могут быть предметом исследования.

Критикуя гипотезу Сепира — Уорфа, обычно отмечают, что различное членение мира в лексике разных языков не может быть доказательством различного «мышления» или «миропонимания» народов, говорящих на сравниваемых языках, ибо если значения отдельных слов и не совпадают, то в сокоупности лексико-семантические системы языков покрывают друг друга. Это объяснение справедливо, но недостаточно. Оно остается на уровне сигнификатов и языковых форм, рассматриваемых вне их употребления в речи. Его следует дополнить анализом на уровне конкретных актов коммуникации. Ведь слова существуют в языке не сами по себе, но как строительный материал для высказываний, как средство обозначения понятий, предметов, связей между ними в условиях знаковой ситуации. Приведенные выше примеры показывают, что в высказывании происходит нейтрализация слов с разным объемом значения и с разной внутренней формой (ср. *сесть (на)* и *взять, приходить* и *прибывать*). Таким образом, различия между словами, существенные с точки зрения статистики, структуры словаря, оказываются несущественными с точки зрения динамики, языковой реализации. В свете реализации семантические различия между словами оказываются второстепенными и на первый план выдвигается их денотативная функция — способность указывать на определенный элемент ситуации. Различия в обозначениях одних и тех же предметов и ситуаций выступают прежде всего как различия в способе построения знака-высказывания (выбор признака, который кладется в основу наименования), а не как различия в формах мышления лиц, говорящих на данных языках.